

МИФЫ СОВЕТСКОЙ НАУКИ О ВОЗНИКНОВЕНИИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ (АНАЛИЗ И КРИТИКА)

Статья посвящена проблеме возникновения письменности у восточных славян. Предлагается анализ основных научных концепций советского времени о начале восточнославянской письменности и зависимость от них некоторых современных мифосюжетов на эту тему.

Ключевые слова: советская наука, происхождение восточнославянской письменности, докирилловская письменность, глаголица.

История возникновения письма у славян на протяжении двух с половиной столетий притягивает внимание филологов и специалистов из смежных областей. Несмотря на то что в мировой палеославистике в результате длительных разысканий (в значительной мере благодаря трудам российских ученых) еще в XIX в. было обосновано положение о том, что оригинальное славянское письмо было создано св. Кириллом, что его творением была глаголица, и сегодня некоторыми авторами высказываются мнения о нерешенности вопроса. Дискуссионной обычно преподносится проблема появления письменности у восточных славян, обсуждаются вопросы: появилась ли письменность у восточных славян вместе с крещением или она возникла раньше; если письменность у восточных славян появилась до крещения, то какой она могла быть; в чем состоит значение деятельности Кирилла и Мефодия для восточных славян. Цель предлагаемого обзора – попытаться выяснить предпосылки современной дискуссионности проблемы происхождения письменности восточных славян, рассмотреть основные научные концепции советского времени о начале восточнославянской письменности и зависимость от них некоторых современных мифосюжетов на эту тему.

Исследователи XIX века и современные специалисты по проблеме связывали и связывают начало русской письменности с крещением в 988 году и учреждением церковной организации на Руси. В таком ключе в середине XIX в. высказывались А.Х. Востоков, К.Ф. Калайдович, И.И. Срезневский, О.М. Бодянский, И.В. Ягич, А.И. Соболевский, и в наше время именно так трактуется происхождение славянской письменности специалистами [1]. Согласно традиционной версии, вместе с крещением древние русичи получили от южных славян из Болгарии кириллицу, глаголица же, хотя тоже проникла на Русь, но, как вышедшая из употребления азбука, не нашла широкого применения у восточных славян.

В послереволюционных отечественных публикациях XX в. (до 40-х годов), а в зарубежных источниках и до сих пор такие позиции сохранились, распространение письма у славян в докирилловский период отрицалось. В послевоенный период позиции советской науки претерпели радикальный пересмотр. Роль Церкви и внешних источников в рас-

* © Карпенко Л.Б., Карпенко Г.Ю., 2016

Карпенко Людмила Борисовна (karpenko.gennady@gmail.com), кафедра русского языка и массовой коммуникации, *Карпенко Геннадий Юрьевич* (karpenko.gennady@gmail.com), кафедра русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

пространении письменности у восточных славян была переосмыслена, новая советская концепция утверждала наличие у восточных славян еще в дохристианскую эпоху своей письменности, своей азбуки, даже не одной, а нескольких, среди них и глаголицы, глаголица объяснялась как восточнославянское по происхождению письмо.

Столь кардинальное изменение взглядов на происхождение русской письменности в конце 40-х — начале 50-х годов не было случайным, оно явилось продуктом идеологии своего времени — идеологии государства, разорвавшего связи с Церковью, пропагандировавшего свою особую историческую миссию. Еще в конце 40-х годов академик С.П. Обнорский, выступавший с идеей независимости древнерусского литературного языка, выдвинул положение о принадлежности каких-то форм письменности уже русам антекого периода. Материалы, отражающие участие И.В. Сталина в обсуждении вопросов языкознания, позволяют предполагать, что проблемами письма он также интересовался. Такое предположение объясняет высказанную в начале 50-х годов со ссылкой на статью И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» (1950 г.) позицию по данной проблеме непререкаемого авторитета нашей филологической науки Д.С. Лихачева. В опубликованной в 1952 г. монографии «Возникновение русской литературы» науку, которая рассматривала происхождение славянской письменности в целом, не выделяя особняком письменности восточных славян, он называет «старой», а выразителей таких представлений «буржуазными учеными», которым противостоят советские ученые: «Исследования советских ученых в самых различных областях установили местные корни русской культуры» [2]. Среди таких советских ученых упоминается академик С.П. Обнорский, «установивший корни русского литературного языка в устном русском языке» [2] (за эти заслуги С.П. Обнорский в 50-е годы был удостоен Сталинской премии). Таким образом, накопились «материалы и для пересмотра вопроса о начале русской письменности». В работе говорится, из каких установок должны исходить советские ученые: в изучении начала русской письменности главное внимание следует «уделить не тому, каким был первый алфавит (глаголическим или кирилловским), кто первый “ввел” письменность на Руси, — как бы сами по себе ни были интересны эти вопросы, а должны прежде всего обратить внимание на выяснение внутренних потребностей русского общества в письменности в связи с особенностями его социально-экономического развития... В развитии русской письменности официальное принятие христианства сыграло крупную роль, но эта роль... была ролью подсобной, а не основной... Потребности государства, потребности торговли, потребности развитого ремесла, потребности развитых представлений о собственности — вот, что вызвало и поддержало на Руси появление письменности» [2]. Тезис подкрепляется высказыванием И.В. Сталина, в котором есть выражение, относящееся к письменности: «развитие производства, появление классов, появление письменности, зарождение государства, нуждавшегося для управления в более или менее упорядоченной переписке, появление печатного станка, развитие литературы — все это внесло большие изменения в развитие языка» [2, с. 20]. Так на основании идеи потребностей государства оформилась концепция появления восточнославянской докирилловской письменности. Она появилась во время, обстоятельства которого хорошо известны и многое объясняют. Рассуждая о том, каким мог быть древний алфавит восточных славян, Д.С. Лихачев называет глаголицу, а в целом допускает возможность многоалфавитности: «Древним алфавитом могла быть глаголица, но это не значит, что рядом с глаголицей у русского населения Северного Причерноморья, тесно соприкасавшегося с греческими колониями, не могли употребляться буквы греческого алфавита для письма на русском языке... Многоалфавитность древнейшей стадии письменности у восточных славян не подлежит сомнению» [2, с. 21]. Но сегодня специалисты признают, что реальных памятников употребления письма на Руси до официального крещения нет.

Тема многоалфавитности восточных славян в начале 60-х была продолжена В.А. Истриным. Именно в его обширной монографии «Возникновение и развитие

письма» в главе «Возникновение и развитие славяно-русского письма» в наиболее развернутом виде получили отражение позиции советской науки по вопросу о начальном этапе славянской письменности [3]. Вся глава развивает тему многоалфавитности ранней восточнославянской письменности. По мнению В.А. Истрина, докирилловское славянское письмо могло быть трех видов. Автору представляется несомненным, что еще задолго до образования связей славян с Византией у них существовали местные разновидности первоначального письма типа упоминаемых Храбром «черт и резов». Рассуждая на эту тему, он называет его то пиктографическим, то пиктографическим-тамговым, то счетным, то счетно-тамговым, то счетно-тамговым с зачаточными элементами логографии (!). Попутно отметим, что, по Храбру, черты и резы — это вообще не письмо, а знаки, по которым еще до появления букв считали и гадали.

Существование второй разновидности — протокирилловского письма — представляется автору тоже несомненным. Письмо типа «черт и резов» было непригодным для написания богослужебных текстов, оформления договоров и других документов. Для указанных целей славяне еще до принятия ими христианства и до введения азбуки, созданной Кириллом, использовали греческие и латинские буквы. И в этом пункте автор опирается на Храбра, Храбр говорит об использовании греческих и латинских букв как о неудобном *чужом* письме, а В.А. Истрин переосмысливает это чужое письмо как второй тип славянского.

Третья, не несомненная, а лишь возможная разновидность — это протоглаголическое письмо. Доказать существование этого письма до сих пор никому не удалось. Да это и понятно, потому что, как известно, глаголица была оригинальным письмом, изобретенным св. Кириллом. Однако В.А. Истрин думает иначе и в связи с третьей разновидностью сообщает о возрожденной в 40–50-х годах XX в. протоглаголической гипотезе применительно к восточным славянам в работах П.Я. Черных, Н.А. Константинова, Е.М. Эпштейна и других советских исследователей.

В 50-е годы было предпринято несколько попыток «реконструкции» протоглаголического алфавита. Одна из таких попыток осуществлена Н.А. Константиновым на основе так называемых «причерноморских знаков». Знаки эти он «собирал» на каменных плитах, надгробьях, черепицах и амфорах на территории русского Причерноморья — в Херсонесе, Керчи, Ольвии. В 1957 г. реконструкция протоглаголицы на основе знаков на русских пряслицах и других ремесленных изделиях и бытовых предметах, обнаруженных на территории России и относящихся к VIII–XVI вв., была предложена И.А. Фигуровским. В основу реконструкции положена глаголица, освобожденная от петель. Эта попытка также была обречена на неудачу, т. к. на самом деле нет ни одной буквы глаголицы, которая напоминала бы знаки на бытовых предметах. В.А. Истрин отозвался об этом эксперименте неодобрительно, но критику вызвала не сама идея протоглаголицы, а конкретное прочтение надписей на бытовых изделиях. В начале 60-х годов Н.В. Энговатов также неудачно пытался составить протоглаголицу на основе «загадочных» знаков, встречающихся в кирилловских надписях на монетах русских князей XI в.

После публикаций Н.А. Константинова, И.А. Фигуровского, П.Я. Черных и др. гипотеза восточнославянского происхождения глаголицы, выводившая азбуку из дохристианского восточнославянского протоглаголического письма, истоки которого искали в Причерноморье, стала пользоваться популярностью. С опровержением этой гипотезы первой выступила Е.Э. Гранстрем, которая в 1955 году решительно писала: «Эта мысль (о самобытности глаголицы, возникшей на Руси. — Л.К.) кажется особенно привлекательной... когда рядом советских ученых доказано самобытное возникновение русской государственности, древнерусского литературного языка, древнерусской литературы... представляется крайне заманчивой возможность доказать также самобытное возникновение древнерусского письма... Но попытки изобразить глаголицу как самобытное древнерусское или скифское письмо основаны только на внешнем, подчас случайном сходстве отдельных глаголических букв с так называемыми загадочными знаками Причерноморья» [4].

В.А. Истрин, констатируя неудачность предпринятых реконструкций, не отказывается от идеи существования протоглаголического письма и завершает обзор возможных типов письма у восточных славян тезисом о многоалфавитности, допуская существование у славян не только двух-трех видов письма, но и местных их разновидностей. Весьма произвольны и выводы В.А. Истрина относительно двух общеизвестных древнеславянских азбук и того, какую из них создал Кирилл. Сравнивая древнеславянские азбуки, В.А. Истрин говорит, что в кириллице 38 букв (41, но если не считать йотированные юсы и укь, то 38), а в глаголице 40 букв. На самом же деле в кириллице не меньше 41, а в первоначальной глаголице 38 букв. Такой состав глаголицы в Мюнхенском алфавитари, в алфавитари Псалтыри Дмитрия Олтарника, на такое же количество указывают и ранние старославянские глаголические памятники. Состав их букв хотя и не является постоянным (в силу одновременности текстов), но варьирует вокруг числа 38. Пишет о 38 буквах, созданных для славян св. Кириллом, Черноризец Храбр, и такое же количество называется в Кратком житии Кирилла. Но В.А. Истрин стремится убедить читателя в том, что Кирилл создал кириллицу. А если Кирилл создал кириллицу, то тогда глаголица свободна для мистификаций о «восточнославянском протоглаголическом письме, которое можно производить из чего угодно — из загадочных причерноморских знаков, из знаков на пряслицах, на монетах, из клинописи. В.А. Истрин производит ее из «черт и резов», хотя менее всего круглая глаголица, содержащая петли и окружности у большинства знаков, похожа на черты и резы. В комментариях по поводу книг, найденных Кириллом в Херсонесе и написанных якобы «русскими письменами», он пишет: «Не исключено также, что книги эти могли быть написаны «протоглаголическим» письмом, возникшим из «черт и резов»...» [5].

В последующие 1960–70-е годы у нас в стране на волне популярности, вызванной общим патриотическим мотивом идеи, версия восточнославянской протоглаголицы получила достаточно широкое распространение. Эта псевдонаучная идея, не имевшая под собой не только никаких славянских рукописных памятников, но и никакого алфавита, совершенно игнорировала обстоятельства возникновения славянской письменности, документированные житиями святых Кирилла и Мефодия и другими историческими источниками, определенно указывающими на Кирилла как на создателя славянского письма. Поддержанная видными учеными, она сыграла свою негативную роль и на многие годы отвлекла советских исследователей от изучения христианских культурно-исторических истоков славянской письменности. Идея эта критиковалась зарубежными славистами, в частности болгарскими. Рассматривая гипотезу о восточнославянском происхождении глаголических знаков, П. Илчев, автор статей об азбуках в четырехтомной «Кирилло-Мефодиевской энциклопедии», пишет: «Сегодня оживление в этой области поддерживается главным образом неспециалистами, для которых не составляет труда открыть первоисточник глаголицы в каких угодно письменных знаках, лишь бы они были найдены в районе Черноморского бассейна» [4, с. 298].

Наш обзор ограничен только теми научными сюжетами, в которых поднимается проблема докирилловского письма у восточных славян, но ими не исчерпываются научные мифы советского времени о происхождении славянской письменности. Причины такого положения дел кроются не в недостатке доказательной базы, а в ангажированности научного поиска, породившего массу околонуточных спекуляций, которые продолжаются. И сегодня авторы распространенных мифосюжетов о докирилловском письме ссылаются на якобы обнаруженную «протоглаголицу» на артефактах IV–V вв. в районе Причерноморья, на строчку о «русских письменах» в Пространном житии Кирилла, на упоминания о «чертах и резах» в сказании Черноризца Храбра «О письменах» и пр. Приведенные вне исторического и научного контекста, эти ссылки являются спекуляциями или просто ошибками понимания исторического текста. Так называемые «причерноморские знаки», выдаваемые за «протоглаголицу» и докирилловскую письменность у славян, на самом деле к глаголице не имеют никакого отношения и не идентичны ее начертаниям. Они

представляют собой разнообразные знаки (тамговые, знаки собственности и пр.) на предметах разных культур и разных эпох, которые не отражены в каких-либо текстах, не являются знаками письма, а были собраны в один ряд искусственно. Глаголица же, как устанавливается при современном семиотическом подходе, — это азбука церковнославянской традиции, изобретенная св. Кириллом, и буквы ее являются символами, в которых заключены ценности христианского мирозерцания [6].

Библиографический список

1. Гиппиус А.А. Берестяные грамоты и начало древнерусской письменности. URL: <http://postnauka.ru/video/52694>.
2. Лихачев Д.С. Несколько замечаний о возникновении русской письменности // Лихачев Д.С. Возникновение русской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.
3. Истрин В.А. Развитие письма. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
4. Гранстрем Е.Э. О происхождении глаголической азбуки // ТОДРЛ. 1955. Т. 11.
5. Илчев П. Глаголица // Кирило-Методиевска енциклопедия. София: Изд-во на БАН. Т. 1.
6. Карпенко Л.Б. Глаголица св. Кирилла: К истокам славянской духовности // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. М.: Изд-во РАГС, 2009. С. 16–39.

References

1. Gippius A.A. Berestianye gramoty i nachalo drevnerusskoi pis'mennosti [Birchbark letters and the beginning of the old Russian literature]. Retrieved from: <http://postnauka.ru/video/52694> [in Russian].
2. Likhachev D.S. Neskol'ko zamechanii o vzniknovenii russkoi pis'mennosti [Some remarks about the emergence of Russian writing] in *Likhachev D.S. Vozniknovenie russkoi literatury [The emergence of Russian literature]*. L.: Izd-vo AN SSSR, 1952 [in Russian].
3. Istrin V.A. Razvitie pis'ma [The development of writing]. M.: Izd-vo AN SSSR, 1961 [in Russian].
4. Granstrem E.E. O proiskhozhdenii glagolicheskoi azbuki [On the origin of the Glagolitic alphabet]. *TODRL*, 1955, Vol. 11 [in Russian].
5. Ilchev P. *Glagolitsa* [The Glagolitic alphabet] in *Kirilo-Metodievskia entsiklopediia* [Kirilo-Metodievskia encyclopedia]. Sofia: Izd-vo na BAN, Vol. 1 [in Russian].
6. Karpenko L.B. Glagolitsa sv. Kirilla: K istokam slavianskoi dukhovnosti [The Glagolitic alphabet of St. Cyril: To the origins of Slavic spirituality] in *Gosudarstvo, religii, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad]. M.: Izd-vo RAGS, 2009, pp. 16–39 [in Russian].

*L.B. Karpenko, G.Yu. Karpenko**

MYTHS OF SOVIET SCIENCE ABOUT THE ORIGIN OF EAST SLAVIC WRITING (ANALYSIS AND CRITICISM)

The article deals with the emergence of writing in the East Slavs. It offers an analysis of the basic scientific concepts of the Soviet era of the early East Slavic written language and dependence on them of some modern myths on this topic.

Key words: Soviet science, origin of East Slavic written language, writing alphabet before Cyril, the Glagolitic alphabet.

Статья поступила в редакцию 15/XII/2015.
The article received 15/XII/2015.

* *Karpenko Ludmila Borisovna* (karpenko.gennady@gmail.com), Department of Russian Language and Mass Communications, *Karpenko Gennady Yurievich* (karpenko.gennady@gmail.com), Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.